

путешествие шамана во время камлания; якутские обычаи, связанные с отправлением в путь; болезни как приходящие «непрощенные гости». Особое внимание уделено якутским представлениям о духе дороги и совершаемым ему жертвоприношениям; табуированным лексике и действиям в пути; мифологеме «раскрытия»/«закрытия» дороги. Чрезвычайно ценным является описание пространственных представлений якутов, связанных с понятием о разных «дорогах» (о «Главной дороге», ведущей на север и юг, «Дороге счастья» на восток, «Черной дороге» на запад и др. – рис. 2, с. 79).

Очерк 3 – «Подари нам ребенка с родимым пятном» (мифологический сценарий жизни: разрыв и восстановление). Здесь представлен разнообразный материал, связанный с зачатием, беременностью и родами у якутов. Большое внимание уделяется мотиву плетения в родильном обряде, символике волосной нити-веревки (по которой душа ребенка приходит в лоно женщины и которая также выступает в качестве жертвенной или скрывающей нити), обряду выпрашивания ребенка у божества Айыһыһыт. Уникальным является скрупулезное описание Е.Н. Романовой якутского обряда «Изготовления гнезда ребенку» и «Поимки души ребенка», исполняемого в случае бесплодия семьи. Здесь совмещаются многие темы, связанные с судьбой и ее «деланием»: мотивы «горшка-лона-гнезда», «вылепливания-выкраивания-сшивания» человека и его судьбы, «птицы-души ребенка», путешествия шамана и ребенка по родовым путям. Впервые в этнографической литературе представлены конструкции изготавливаемого для этого обряда магического «гнезда» (рис. 5–12, фото 6).

Очерк 4 – «Игра с судьбой» в годовом ритуале Ыһыах (к прочтению якутских гаданий). Автор рассматривает летний якутский праздник Нового года, Ыһыах, как период «игры с судьбой», гаданий, где главными действующими лицами и вершителями судеб были не божества, а сами люди. Таким образом, гадание у якутов предстает не как пассивное узнавание будущего, а как «завоевание» или «добывание» своего счастья.

Надо отметить, что ряд сюжетов в книге Е.Н. Романовой как бы намечен пунктирно, но не выявлен достаточно полно. Справедливости ради скажем, что они косвенно связаны с основной линией. Однако хочется пожелать автору в дальнейшем обратить на них большее внимание. Это мотив дороги как пояса (с. 77), тема священного, магического слова (с. 122), представления о зрении и слухе (с. 133–135).

В заключение хочется отметить, что положительным свойством книги является широта взгляда на описываемые сюжеты. Как первопродок народа саха Эллэй и страна Якутия (Саха) в мифологическом мышлении якутов «связаны с землей, словно волосной веревкой, а с неба поддержаны (или ко Вселенной прикреплены) тонкой ниткой» (с. 120), так и представленный в книге Е.Н. Романовой материал генетически связан с якутской традицией и пронизан ею, но есть в нем и нити, выводящие на сопоставление с самыми разными этническими культурами (в первую очередь индоевропейскими, алтайскими, финно-угорскими, палеоазиатскими).

Книга Е.Н. Романовой – одно из лучших этносемиотических исследований якутской традиционной культуры. Она привлечет внимание как специалистов (этнографов, фольклористов, религиоведов, культурологов), так и широкую читательскую аудиторию. Вызывает сожаление крайне незначительный тираж этой книги – всего 200 экз.

С.И. Рыжакова

© 1999 г., ЭО, № 2

Ф.Ш. Сафин и **А.Ткачество татар Поволжья и Урала (конец XIX – начало XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа.** Казань, 1996. 205 с.

Монография Ф.Ш. Сафиной представляет собой второй том «Историко-этнографического атласа татарского народа» и является первым обобщающим исследованием, характеризующим весь комплекс явлений, связанных с этим богатейшим пластом культуры татар. Систематизация и картографирование значительного массива фактического материала в совокупности с глубоким историко-генетическим, структурно-функциональным и пространственным его анализом – свидетельство высокого уровня научных изысканий коллектива этнографов Института истории Академии наук Республики Татарстан.

В основу рецензируемой работы положены разнообразные этнографические источники. Среди них на

первое место Ф.Ш. Сафина ставит полевые материалы – результаты сплошного этнотерриториального обследования, в том числе с участием автора, в экспедициях 1970–1991 гг. Значительна также роль этнографических коллекций центральных и региональных музеев, архивных и литературных материалов. Автор также широко использовала результаты исследований представителей смежных дисциплин: археологов, историков, лингвистов.

Следует отметить, что прилагаемый «Список населенных пунктов, охваченных этнографическим обследованием», включающий 50 уездов в 12 губерниях России, не конкретизирует базу данных по уездам. Уезд в данном исследовании принят за основную территориальную единицу сбора и учета картографируемых явлений.

Территориальные рамки исследования охватывают обширное пространство Поволжья и Урала, а также несколько уездов Тамбовской и Рязанской губерний – территорию размещения татарского населения в конце XIX в.¹. Сопоставление данных по расселению и численности татар и упомянутого «Списка населенных пунктов...» показывает, что обследовано около 73% уездов, заселенных татарами в указанном регионе.

Сложный этнический состав Поволжско-Приуральской историко-этнографической области, а также широкие этнокультурные контакты татар с народами Нижнего Поволжья, Средней Азии, Сибири и других регионов заставляют автора вести сопоставительный анализ всех компонентов домашнего ткачества с ткачеством близких и далеких соседей.

Обширная территория, охваченная исследованием, неоднородна по своим природно-климатическим условиям, что также нашло отражение в монографии. Автором показаны различия в составе технических культур и, следовательно, в использовании различных волокон как исходного материала для ткачества. Выявлены территориальные особенности орудий обработки сырья, связанные со своеобразием природы тех или иных местностей в пределах региона.

Три главы работы: «Сырье и способы его обработки», «Технология ручного ткачества» и «Ткани и их использование в быту» последовательно и детально раскрывают весь процесс изготовления тканей от посева технических культур и их возделывания до выхода готовых изделий и их использования в быту. Прекрасные рисунки и фотографии, черно-белые и цветные, сопровождают текст.

Типологизация вычленимых в процессе ткачества явлений – одна из основных задач рецензируемой работы, которая успешно решена автором. Монография содержит 10 картосхем высокого уровня исполнения, из которых одна отражает административное и физико-географическое районирование Поволжья и Урала в конце XIX в. Остальные картосхемы отвечают задачам типологизации. Некоторые карты сопровождаются рисунками этнографически выделяемых типов (ткацкого стана, мялок и др.). Карты выполнены способом штриховки и значков, отражающих трехступенчатую градацию с выделением преобладающих, бытующих и редко встречающихся явлений. Принципы и приемы этнографического картографирования, на которые опирается Ф.Ш. Сафина, утвердились в науке с появлением первого историко-этнографического атласа «Русские».

В одной из работ о принципах типологии традиционно-бытовой культуры Я.В. Чеснов пишет: «Без обращения к народной среде как главному условию жизни этнографических явлений любой типологический подход будет оставаться формальным, а не содержательным»². Достоинством рецензируемой работы и является то, что Ф.Ш. Сафина сумела показать ткачество в тесной связи со средой бытования.

В главе I при характеристике растительных и животных волокон, используемых для ткачества, Ф.Ш. Сафина рисует цельную картину их последовательной обработки. Большой сопоставительный материал приводит ее к выводу, что в процессе обработки сырья, прядения и подготовки пряжи у татар очень много общего с соседними народами Волго-Уральского региона. Территориальная однородность процесса подготовки к ткачеству отмечается и в среде субэтнических групп татар Поволжья и Урала. Некоторые локальные особенности являются скорее следствием различий физико-географических условий отдельных частей региона.

Глава II «Технология ручного ткачества» включает два раздела: «Ткацкие станы» и «Технология изготовления тканей». В первом на большом сравнительно-историческом материале проведен типологический анализ ткацких станов. Основное внимание уделено горизонтальному типу, так как вертикальный, как указывает автор, хотя и фиксируется в Предкамье и др. районах до начала XX в., но использовался только для производства кулей. В основу типологии горизонтальных станов положен такой конструктивный признак, как степень сложности рамы. Этот признак позволяет проследить эволюцию ткацкого стана у татар Поволжья и Урала от наиболее древнего – без рамы, черты которого близки к традициям степного ткачества, что отмечал Н.И. Воробьев, называя его примитивным типом³. Автором выделены три

варианта безрамного типа и три варианта более совершенного рамного типа. Каждому типу посвящена отдельная карта. Анализ этих карт приводит автора к интересным выводам о путях развития ткацких станов на исследуемой территории. Так, в Предкамье, где фиксируется вся их типологическая иерархия, по мнению Ф.Ш. Сафиной, развитие этого компонента традиционной культуры шло непрерывно от примитивных форм через промежуточные к совершенным, тогда как в Пермском и Южном Приуралье наблюдается разрыв между примитивными и наиболее конструктивно совершенными вариантами ткацких станов, называемых «русскими». В первом разделе рассмотрены также важнейшие конструктивные части ткацкого стана и их роль в процессе изготовления тканей.

Автор анализирует и профессиональную лексику татарских ткачих, подчеркивая ее связь с образом жизни, положением женщины в обществе. В терминологии ткачества автор прослеживает как древние традиции, так и поздние заимствования, взаимосвязи с другими народами.

В разделе «Техника изготовления тканей» Ф.Ш. Сафина подразделяет виды тканей, использовавшихся для изготовления одежды и предметов домашнего убранства, на простые полотна (холсты), узорные ткани и сукна. Особое внимание уделено узорным тканям как наиболее сложным с точки зрения их производства, а из них – собственно узорным, или орнаментированным, тканям. Детально рассмотрены различия между тканями, изготовленными на дощечках или с помощью ремизок (белое бранье, многоремизная техника), двухуточными или двухцветными бранями и выборными (многоцветными), закладными. Выявлены некоторые специфические черты узорного ткачества татар, например использование бранльных ниточек в двухуточной браной технике, неизвестное у славянских и финно-угорских народов, особенности переплетения смежных разноцветных нитей утка и основа в закладном ткачестве и др.

Технике изготовления тканей посвящены три картосхемы. Две из них показывают способы валяния сукна и приурочены к двум временным срезам: к середине XIX и концу XIX – началу XX в., наглядно показывая эволюцию способов валяния.

При всех достоинствах этого раздела создается впечатление, что в вопросах типологии тканей по технике их изготовления остаются некоторые пробелы. Нет четкости в использовании понятий «вид» и «разновидность» по отношению к тканям, выполненным в той или иной технике.

Глава III, самая большая по объему, включает два раздела: «Ткани для одежды» и «Ткани бытовые и декоративные» – в соответствии с функциональным назначением тканых изделий. Рассмотрены многочисленные варианты использования белого холста, крашенины, пестряди, пестряди в сочетании с браной техникой при изготовлении одежды. Проанализированы особенности цветовых решений и комбинаций в традиционном costume мужчин и женщин, что нашло отражение в трех картах. Использование тканей, обусловленное различными сторонами быта, показано достаточно детально на полевом материале. Скатерти, полотенца, занавески, простыни рассмотрены как с позиции техники изготовления, так и по цветовой гамме, композиционному решению, включению элементов орнамента. Выявлены локальные варианты, что, к сожалению, не нашло отражения в картографическом материале.

При рассмотрении декоративных тканей основное внимание уделено полотенцам. Указание на их широкое использование в обрядах является свидетельством того, что в традиционной культуре татар этот предмет имеет столь же высокий семиотический статус, как у русских Поволжья⁴.

Касааясь геометрического орнамента браного ткачества, в частности полотенец, Ф.Ш. Сафина справедливо указывает на сходство его элементов с орнаментикой народов Восточной Европы. Несомненно, это результат длительного тесного взаимодействия культур. Н.И. Лебедева, рассматривая меандрический орнамент русского браного ткачества, отмечает, что он встречается у касимовских и тамбовских татар: «Обе группы смешались здесь с мещерой и восприняли от нее местный орнамент, восходящий к эпохе бронзы»⁵. Однако при кажущейся общности элементов каждый этнос реализует в орнаменте свое мировосприятие, создавая присущие только ему образцы узорочья.

Анализируя параллели между тканями изделиями татар и сопредельных народов, автор приходит к выводу о наиболее тесных контактах в этой области с тюркскими народами, а также с финно-угорским и русским населением. Орнаментальные традиции татарского ткачества также не нашли отражения в картографическом материале.

Заключительным этапом и важнейшим результатом в работе Ф.Ш. Сафиной явилось выделение 13 комплексов традиционного ткачества, в основу которых положены признаки, фиксировавшиеся в технических приемах обработки сырья, разновидностях техники ткачества, колорите, орнаменте и композиции узоров. Названия комплексов и их локализация в значительной степени отражают структурное подразделение татарского этноса, его сложную историю и межэтнические контакты (сводная карта № 10).

Основываясь на картографическом анализе территориального распространения комплексов ткачества татар Поволжья и Приуралья, Ф.Ш. Сафина выделяет три крупных этнокультурных ареала: Центральный, Западный и Восточный. Они легко читаются на карте № 10, хотя специально не обозначены. Западный этнокультурный ареал, включающий территорию проживания татар-мишарей (Пензенская, Саратовская, Рязанская, Тамбовская, Нижегородская, часть Симбирской губ.) с географической точки зрения целесообразнее было бы назвать Юго-Западным, так как он охватывает Центральный ареал с запада и юга, смыкаясь на юго-востоке с Восточным этнокультурным ареалом.

Работа снабжена ценным приложением из цветных иллюстраций (63 с.), отражающих все разнообразие тканых изделий, характеризующихся в монографии. Показаны образцы пестряди, изделия из нее, многообразие декоративных тканей. Богато представлены варианты браного и закладного орнамента, цветовых и композиционных решений. К сожалению, в тексте отсутствуют ссылки на приложение, что несколько снижает его значимость.

Работа оформлена с большим вкусом, что является заслугой создателя макета и оформления художника Д.Н. Залыетдинова и автора иллюстраций художника А.А. Мазанова.

В целом монография Ф.Ш. Сафиной представляет собой значительный вклад в изучение культуры и быта татарского народа. Ее по праву можно назвать энциклопедией традиционного татарского ткачества, в которой сведены воедино и систематизированы многообразные разрозненные материалы, касающиеся этой сферы жизни народа. Работа имеет также большую практическую значимость. Она станет настольной книгой для работников музеев, краеведов, специалистов по декоративно-прикладному искусству, мастеров народных художественных промыслов и других категорий читателей, интересующихся культурой и бытом народов Волго-Уральского региона.

Примечания

¹ Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в конце XVIII–XIX в. // СЭ. 1980. № 4. С. 35.

² Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 89.

³ Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань, 1953. С. 117.

⁴ Зорин Н.В., Токсубаева Л.С. Обрядовые функции орнаментированных полотенец у русского населения Среднего Поволжья // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.

⁵ Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 530.

Л.С. Токсубаева

© 1999 г., ЭО, № 2

Leonid Pavlovič Potapovs Materialien zur Kulturgeschichte der Usbeken aus den Jahren 1928–1930 // Turcologica. Bd. 25. Wiesbaden, 1995. 248 S.

Интересна история создания этой книги. Летом 1924 г. с рекомендательным письмом к С.Ф. Ольденбургу и Л.Я. Штернбергу в Ленинград из далекого алтайского города Барнаула приехал молодой человек. Известный сибирский этнограф А.В. Анохин представлял его магистром ученым как пытливого юношу и рекомендовал к поступлению на Этнографическое отделение Географического института. Так Леонид Потапов стал студентом и продолжил свой путь в науке. Его научные интересы проявились еще в гимназические годы. Кстати, учился он в той самой гимназии, где в 60-е годы прошлого века преподавал недавно приехавший из Германии и ставший российским подданным будущий выдающийся тюрколог и академик В.В. Радлов. Первоначально Леня Потапов мечтал стать ботаником и увлеченно собирал гербарии. Научные интересы его укрепились, приняв новое направление в первой советской трудовой школе г. Барнаула, где в 1921 г. он познакомился с известным краеведом, этнографом и музыкантом